

ISSN 0130—2698

5 кругозор 80

В. И. Чуйков:

**«Думается, я вправе рассказать
сыновьям и внукам
защитников Сталинграда о том,
как мое поколение отстояло его,
как был нанесен
смертельный удар фашизму».
Слушайте первую
звуковую страницу.**

35 лет мирное небо над нами. Выросли дети и внуки солдат Победы. А память сердца тех, кто прошел сквозь огонь сражений, связывает воедино и укрепляет наше прошлое и наше будущее.

Не счесть писем, которые получил за эти годы легендарный командарм Великой Отечественной, прославленный военачальник В. И. Чуйков.

«Когда моя семья слушала Ваше выступление по телевидению,— пишет М. Г. Гусев,— все захлопали: так хорошо Вы говорили. А я внукам сказал: «Это маршал, с которым мы воевали под Сталинградом». Помните, Василий Иванович, как летали с Вами на передний край 217-й пехотной дивизии?»

...А было это так. «Кукурузник», как в шутку называли самолет «У-2», летел над Северным Донцом с В. И. Чуйковым на борту. И вдруг «мессершмитт-110». Его появление и атака были столь внезапны, что оставалось только уходить.

СОЛДАТЫ

Гусев выжал из «кукурузника» все, что мог, сложно маневрировал, увертываясь от вражеского огня. Прямое попадание в мотор превратило машину в «мертвую птицу». Но Гусев сумел все же посадить горящий самолет и помог командующему выбраться из него.

...Сейчас Михаил Гаврилович Гусев трудится в Госкомитете Таджикской ССР по производственно-техническому обеспечению сельского хозяйства. По торжественным дням на груди его сияют двадцать две правительственные награды. А ввучата теребят деда: «Расскажи, как «небесный извозчик» воевал, расскажи сказку!» Для них это сказка, для него — быль.

На одном из заводов Казани работает Алексей Антонович Колосов. В письме к В. И. Чуйкову он вспоминает о том, как дрались с врагами в цехах сталинградского завода «Баррикады» воины дивизии Леонтия Николаевича Гуртьева.

1945 1980

Люди,
покуда сердца
стучатся,—
помните!
Какою
ценой
завоевано
счастье,—
пожалуйста,
помните!
Роберт
Рождественский

ПОБЕДЫ

«Дорогой, многоуважаемый товарищ маршал! Разрешите отдать Вам честь и низкий поклон,— пишет М. Д. Кугель из Донецка.— Я часто видел Вас на переднем крае обороны во время Сталинградской битвы. Это придавало нам силы, и мы дрались, не щадя себя и своей жизни. Я никогда не забуду эти тяжелые бои и погибших товарищей, беспримерное мужество бойцов 62-й армии, которые выстояли и победили. Если можно, очень прошу выслать Вашу новую книгу «От Сталинграда до Берлина». Для меня, инвалида Великой Отечественной войны 1-й группы, бывшего командира орудия гвардии старшего сержанта, и для моей семьи это будет самым драгоценным подарком и памятью о сражениях за нашу любимую Родину».

В центр немецкой столицы привел командарм Чуйков свои гвардейские сталинградские полки. На его командном

пункте в 10 часов 30 минут 2 мая 1945 года начальник Берлинского гарнизона Вейдлинг подписал приказ немецким войскам о прекращении огня и сдаче оружия.

Отвечая на письма фронтовых товарищей, встречаясь с молодежью, которая знает, к счастью, войну лишь по книгам и фильмам, Василий Иванович Чуйков уверен, что воедино и накрепко связаны наше прошлое и наше будущее: «Кто думает о прошлом, тот имеет в виду и будущее. Кто говорит о будущем, тот не имеет права забывать о прошлом. Пройдя сквозь огонь сражений, я сполна познал тяжесть войны и не хочу, чтобы такая участь снова выпала на долю нашей планеты.

Разум требует не забывать уроков истории. Пусть помнят о них и те, кто строит новые планы агрессии, кто пытается говорить с нами в духе времен «холодной войны» языком силы».

Об одном прошу тех, кто переживает это время: не забудьте! Не забудьте ни добрых, ни злых. Терпеливо собирайте свидетельства о тех, кто пал за себя и за вас. Придет день, когда настоящее станет прошедшим, когда будут говорить о великом времени и безымянных героях, творивших историю. Я хотел бы, чтобы все знали, что не было безымянных героев, что были люди, которые имели свое имя, свой облик, свои чаяния и надежды, и поэтому муки самого незаметного из них были не меньше, чем муки того, чье имя войдет в историю. Пусть же павшие в бою будут всегда близки вам, как друзья, как родные, как вы сами!

Юлиус Фучик

26 июля 1944 года в жарком бою на польской земле парторг роты ефрейтор Григорий Павлович Кунавин закрыл сво-

им телом амбразуру вражеского дота и тем самым помог роте продвинуться вперед и освободить деревню Герасимовиче от врага. 24 марта 1945 года Кунавину посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

Жители Герасимовиче приняли решение занести имя русского воина в списки почетных граждан своей деревни. В центре села был установлен мраморный памятник-obelisk, именем Григория Кунавина названа народная школа. «Учителям.— говорится в постановлении общего собрания крестьян.— каждый год начинать первый урок в первом классе с рассказа о воине-герое и его соратниках, чьей кровью для польских детей добыто право на счастье и свободу. Пусть прослушают дети этот рассказ стоя. Пусть их сердца наполнятся гордостью за русского брата, воина-славянина. Пусть их понимание жизни начнется с мысли о братстве польского и русского народов».

ПОМНИТ МИР СПАСЕННЫЙ

●

Мама!

Ты, наверное, совсем устала. Сколько тебе выпало дел, дорогая! Как ты там справляешься со всей оравой — трудно представить.

Мамочка, я прошу тебя, хоть не волнуйся за меня. У меня все хорошо. Дело простое, солдатское — воюем...

Ты все пишешь мне, чтобы я был осторожнее, но это невозможно. Я командир. А с кого же будут брать пример солдаты, если их командир в бою начнет думать не о том, как бы выиграть бой, а как бы спасти свою шкуру? Ты, мама, понимаешь, что я не могу этого делать, хотя, конечно, очень хотел бы пройти всю войну и остаться живым, чтобы снова вернуться в родной город, встретиться со всеми с вами.

Целую. Саша

Письмо командира танковой роты гвардии старшего лейтенанта А. П. Долгова матери не позднее 2 мая 1945 года.

Фото Ю. Абрамочкина

Весной 1945 года Советская Армия принесла освобождение народам Европы от фашистской тираннии.

На второй звуковой странице — голоса маршала Конева, министра народной обороны Болгарии Джурова, генерала де Голля и документальные записи 1945 года.

2

8 ноября 1943 года
Президиум Верховного Совета
СССР учредил орден Славы
I, II и III степеней.

Это высшая награда
за славные подвиги
храбрости, мужества
и бесстрашия,
которой отмечались рядовой
и сержантский состав
Красной Армии, а в авиации
и лица, имеющие звание
младшего лейтенанта.

За годы Великой
Отечественной войны орденом
Славы награждено более
900 тысяч человек,

воины
всех родов войск и служб,
представители многих
национальностей Советского
Союза. Около 2,5 тысячи
героев — полные кавалеры
ордена Славы.

Три фронтовика,
награжденные орденом Славы
трех степеней, за мужество
и отвагу, проявленные ими
в последующих боях
за Родину, удостоены звания
Героя Советского Союза:
старший сержант Алешин А. В.,

гвардии старшина
Дубинда П. Х. и младший
лейтенант Драченко И. Г.
В числе полных кавалеров
ордена Славы четыре
женщины.

В боях на Одере санинструктор
М. Ноздрачева вынесла с поля
боя тяжело раненого командира
пулеметного отделения сержанта
А. С. Рогачева. Фотография
сделана 9 марта 1945 года
фронтовым корреспондентом
Николаем Богдановым.

ВОЕВАЛА, КАК ВСЕ

М. С. Ноздрачева:
*«Нам хочется,
 чтобы не было войны.
 Пусть бы на нас это все
 кончилось».*
**Рассказ полного
 кавалера ордена Славы
 слушайте на третьей
 звуковой странице.**

ВЫСОКОЕ ИМЯ — ВЫСОКАЯ ЧЕСТЬ

Правду говорят: «Кто храбр и лих, тот скромн и тих». Военная гимнастерка Матрены Семеновны Ноздрачевой экспонируется в Центральном музее Вооруженных Сил СССР в Москве, в зале Победы, рядом с Красным знаменем, водруженным над рейхстагом, орденами маршала Жукова, другими бесценными реликвиями. А она говорит: «Воевала, как все».

Напротив ее дома — школа-интернат, за которой бескрайнее поле густой пшеницы. Последние годы, пока не стало плохо со зрением, Матрена Семеновна работала в школе медицинской сестрой. В альбоме, который посвятили ей ребята, — эпитафия, слова Зои Космодемьянской: «Счастье — это быть бесстрашным бойцом за нашу страну».

21 июня 1941 года она сдавала экзамен в медицинском училище в Балаклее, сходила с подругами в кино. А на следующий день все сразу поблекло, будто пелена закрыла солнце, — пришла весть о начале войны. Она отправилась в военкомат: «Возьмите в армию!» Военком ответил: «На войне нет детсадов». Было ей 17 лет.

На фронт она попала весной 1943 года — санинструктором в 100-й гвардейский стрелковый полк 35-й гвардейской стрелковой дивизии 8-й гвардейской армии генерала Чуикова. Ее зачислили в передовой отряд, и так в передовом отряде Ноздрачева прошла всю войну. Она останавливала кровотечения, обрабатывала раны, накладывала повязки, выносила раненых с поля боя и снова ползла вперед. Под пулями, бомбежкой, артиллерийским огнем. Сколько жизней спасла? Было не до счета.

Ее ордена Славы... Это переправа через Вислу под прямым обстрелом врага в одной из первых лодок. Это спасение раненых при встрече с группой гитлеровских войск в польском селе Овадув под Радомом. Это борьба за жизнь людей на Варте, Одере и Шпрее...

Женщин, полных кавалеров ордена Славы, у нас четыре: Надежда Александровна Журкина — в годы войны воздушный стрелок-радист, Дануте Юргис Станилиене (Маркаускайте) — наводчик пулеметного расчета, Нина Павловна Петрова — снайпер, погибла 1 мая 1945 года, Матрена Семеновна Ноздрачева (Нечипорчукова) — медсестра.

Можно слушать и слушать эту приветливую женщину. Опустились сумерки. Она зажгла неяркий свет в комнате, достала из шкафа пожелтевшие фотографии и разволновалась еще больше. Смотрит на молодые лица, а у самой навертываются слезы. Многие ее однополчане, подруги не вернулись с войны.

А в Москве, в Музее Вооруженных Сил, пытливые мальчишки донимают экскурсовода вопросами об ордене Славы.

— Первая степень делалась из золота, вторая — из серебра с позолотой, третья — из серебра. Орден носится на ленточке. На ней черные и оранжевые полосы — символ порохового дыма и пламени выстрела.

Борис СИРОТИН
 с. Красногвардейское Ставропольского края

Мустай Карим... Неразрывность таланта и совести. Отсюда — подлинность, достоверность каждого слова, каждой строки. Отсюда — и напряженный драматизм...

Он родился в 1919 году в ауле Кляш на реке Деме. Рабфак, институт в Уфе, первая книга стихотворений перед войной. Фронт, ранения, снова фронт. Ожидание Победы, встреча в Австрии, где он закончил войну, с солдатами армии союзников, имена которых помнит до сих пор. Говорит: «Мы шли друг другу навстречу по Дунаю. Это была встреча мужчин, уже знавших цену смерти. Никогда не думал, что с этими ребятами или с их детьми может получиться размолвка...»

Мы познакомились с ним на Первом совещании молодых писателей в 1947 году. Время, когда мы определяли себя и выбирали друзей на всю жизнь. Мгновенно возникшее чувство родства, оставшееся прочным и нерушимым. Я начала переводить его стихи. Иными словами, он доверил мне свои чувства, раздумья, переживания, свои отношения с миром, и вот с тех пор стараюсь оправдать это доверие и перевести написанное им в стихию русской речи, русского стиха...

Бескомпромиссная требовательность к себе, тревога за судьбы мира и человека, нежность ко всему сущему — «всем слезам я верю без оглядки...» — все это слито в нем воедино.

Мустай Карим — народный поэт Башкирии. Поэт — он остается поэтом и в своей драматургии и в своей прозе. Народный — есть ли кто молодой ли, старый на его родине, не знающий его?

«Все тяготы и боль моей земли мне голову покрыли пеплом серым...» Разделив все испытания своего поколения, Мустай Карим обрел право говорить в полный голос и от своего имени и от имени своих современников.

Первая книга Мустая Карима на русском языке «Цветы на камне» вышла 31 год назад. «Цветы на камне» — это стихи о войне, жестокие испытания и нежность. «Весенние голоса» — возрождение после войны, пробуждение весны, голоса птиц, дождя, пашни... Далее — «Реки разговаривают»: все пристальнее вслушивается поэт в неслышное — в ночь, в молчание мироздания, в разговор сердец... «Берега остаются», «Время — конь крылатый» — осмысление времени: человек во времени, время в человеке... «Годам во след» — раздумья о жизни, о долге человека перед ней: исполнил ли он свой долг? «Жду вестей...» Вот заглавия основных его поэтических книг.

Мустай Карим как-то говорил, что делит людей на две категории: одни идут по солнечной стороне улицы, это люди, видящие красоту, добро, радость. По темной стороне идут люди, равнодушные к искусству, к красоте, добру... И поэт, как Прометей, как странствующий певец, призван нести огонь и свет из дома в дом, дарить людям свет... Глубинный свет озаряет все творения Мустая Карима. Свет добра. Свет познания истины. Свет искусства. Свет дружбы. Свет любви.

Елена НИКОЛАЕВСКАЯ

Мустай КАРИМ ДЕВЯТОЕ МАЯ

В Древней Персии брать в долг считалось позором.
По Геродоту

Страна родная! В небо вознеслись
Знамена твоей выстраданной славы.
Огонь салютов, озаряя высь,
Пылает над планетой величаво.
Я в час такой взмываю к небесам
Или, теряясь, никну вдруг в мгновенье...
То будто свет я излучаю сам,
То сам себе кажусь я только тенью.
Поклон земной — пусть свет я или тень —
Тебе за всё, что мне наворожила.
Ты верила в меня в свой черный день,
Часть бед на плечи мне переложила.
Как к службе строевой был годен я

На четвертой
звуковой
странице
вы услышите
стихи
Мустая Карима
в авторском
чтении
и чтении
Елены
Николаевской.
Стихотворение
«Птиц выпускаю»
Мустай Карим
читает
на башкирском
и русском
языках.

К утратам, тебе выпавшим на долю,
И годной оказалась кровь моя
Для орошенья страждущего поля.
По мне была и горькая вода
Твоя — и черствая краюшка хлеба,
Твое терпенье и твоя беда,
И черным дымом устланное небо.
Я годен был — до праздничного дня
Дойти, дожить — до Дня Победы нашей.
В торжественном застолье ты меня
Заздравною не обносила чашей.
За воздаянье кланяюсь, Земля,
Делам ты впору цену назначала.
Не утопила в горечи — хуля,
Хваля — меня на царство не венчала,
Не унижала, в долг давая мне
Хлеб, соль, награды и почет немалый...
Поверь, несчастным был бы я вдвойне.
Когда бы в долг ты счастье мне давала.

Перевела с башкирского
Елена Николаевская

A color photograph of Moustai Karim, an older man with grey hair, wearing a dark blue suit, white shirt, and blue tie. He is seated at a desk, looking thoughtfully to his left. His right hand holds a pen over an open notebook. On his left lapel, he wears a red star badge and a circular medal. The background is dark and out of focus.

В 1938 году 19-летний Мустай Карим написал стихотворение «Комсомольский билет». Оно посвящалось бойцу гражданской войны: «И пуля бойцу восемнадцати лет пробила насквозь комсомольский билет и грудь молодую пробил...» Четыре года спустя на фронте, под Мценском, Карима ранило осколком снаряда. Насквозь был пробит и его собственный комсомольский билет. Биография поэта как бы подкрепила романтическое стихотворение, дала ему новую жизнь.

Фото А. Лидова.

**ДАРИТЬ
ЛЮДЯМ
СВЕТ**

7 8

ДАЛЕКОЕ-БЛИЗКОЕ

Юрий ЛЕВИТАН, народный артист РСФСР

Мне выпала огромная честь вести передачу по Всесоюзному радио «Пишут ветераны...». Рубрика родилась сама собой. Приходили письма от участников войны. Так душевно писали солдаты, офицеры — ветераны о том, что пережили на войне, как победили... И пошла передача с заставкой — мелодией песни «Где же вы теперь, друзья-однополчане?».

Для меня волнующим было еще то, что мне пришлось всю Отечественную войну быть у микрофона. И когда я читаю теперь по радио письмо солдата — как он уходил на фронт, как дрался под Москвой или под Сталинградом, сразу в памяти встают тяжелые сводки в те дни, когда отступала с боями наша армия. Сводки привозили в радиокomitee в красных пакетах из Ставки Верховного Главнокомандующего. Обычно мне вручал их председатель радиокomitee. Но помню, как однажды нам принесли такой пакет буквально за две минуты до передачи, и что в пакете, было неизвестно. На ходу его вскрыли, замелькали слова: «Говорит Москва... Приказ...» Но тут, скользнув глазом, я увидел слова: «...наши войска овладели городами Орел и Белгород». Не могу описать свое состояние — такая радость захлестнула, чуть было не занесло меня на крик, но успел сдержаться.

Это — мои воспоминания. Но как же сильны, как неистребимы воспоминания тех, кто брал Орел и Белгород, в честь кого тогда гремел первый салют! Как раз в Белгород съехались недавно ветераны. Александр Степанович Шевченко пишет: «Смотришь военную кинохронику — глазам не верится: было ли? И как вынесли все? Снег, зной, вода ледяная по пояс или степное пекло, идет пехота, идет за танками — да под артналетом, да под кинжальным пулеметным огнем!.. Подкрутит ус бывалый солдат, кинет веселое словцо, улыбнется сестренке из санбата... жизнь всегда сильнее смерти... От горьких первых дней до победных салютов дошли...»

И вот, кстати, о сестренках из санбата. Фронтовик Глазачев написал, например, что его при переправе через Днепр спасла девушка по имени Надя. Она привязала его к лошади и отправила на другой берег. И солдат ищет до сих пор свою

На седьмой звуковой странице — ее ведет Ю. Левитан — записи, предоставленные «Кругозору» Ю. Бирюковым: последнее интервью с композитором В. Соловьевым-Седым, голос поэта А. Фатьянова, их песни боевой поры в исполнении Г. Виноградова, Е. Флакса, В. Бунчикова и В. Нечаева.

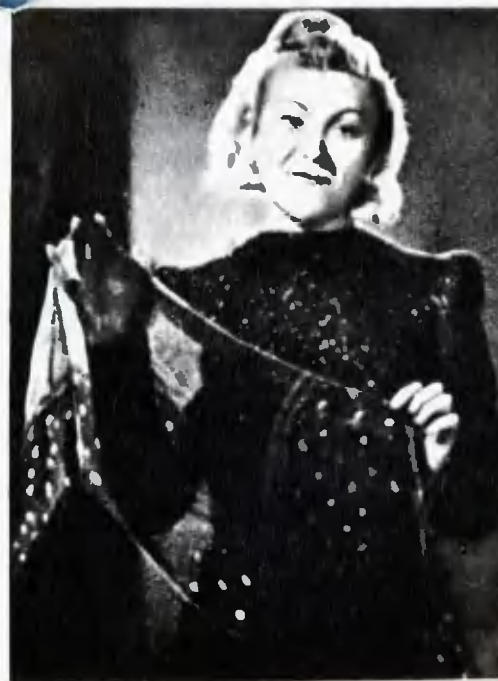

На
фотографиях
военных
лет:
В. Соловьев-Седой
и А. Фатьянов,
В. Бунчиков
и В. Нечаев,
Е. Флакс,
Г. Виноградов,
А. Покрышкин
и Ю. Лавитан,
Л. Утесов,
К. Шульженко.

спасительницу Надю. Это письмо передали по радио. Через некоторое время мы получили ответы сразу от трех Надежд. Все они пишут, что спасли при форсировании Днепра — каждая — своего солдата, привязав его к лошади, но не успели спросить имя... Это ведь частичка подлинной народной летописи подвига 1941—1945 годов. В канун Дня Победы нам сказали, что сообщение о капитуляции фашистской Германии поступит поздно ночью. Мы взволновались: ведь радио обычно заканчивало работу в полночь, многие лягут спать... И вот дано указание — объявить, что 8 мая все станции будут работать не до 12 часов ночи, а до 4 часов утра. И начались звонки в радиокomiteeт на Пушкинскую площадь, дескать, «намек поняли, спасибо за предупреждение, накрываем столы, одеваем праздничные костюмы...». Я выглянул из окна — дома освещены. Когда в третьем часу ночи долгожданное сообщение прошло в эфир, Москва ликовала. Но, конечно, этот счастливый день для многих и многих семей был омрачен горечью невозвратимых утрат.

В письме из Белоруссии мы прочли о том, что весной 1945 года женщины села Леалетово посадили тоненькие березки в память мужей, отцов и братьев, не вернувшихся с войны. Сколько павших солдат — столько деревьев. Каждый год майскими днями приходят женщины к своим березам...

И здесь мне хочется сказать несколько слов о музыке во время войны, о песне. Она оставила в душе острый след времени. Композиторы тогда работали быстро. Мы рассказывали слушателям, что главная песня той эпохи — «Священная война» была сочинена, как говорил А. В. Александров, «одним махом», едва только он прочел стихи Лебедева-Кумача. Другие песни — «Темная ночь», «В лесу прифронтовом» — были написаны мгновенно, они были нужны. Но их ждала не короткая жизнь, а долгая и славная судьба. В этом номере вы услышите некоторые наши песни военной поры, рассказы их создателей — композитора В. Соловьева-Седого, поэта А. Фатьянова, исполнителей — К. Шульженко Л. Утесова. Оказалось, что песни, созданные в дни битвы, вечны. В их простых, но душевных словах, в несложной, но прекрасной мелодии — отзвуки боевого подвига.

На восьмой
звуковой
странице
слушайте
песни
«Синий
платочек»
(Г. Петерс-
бургский,
В. Максимов)
и
«Партизанская
борода»
(Л. Бакалов,
М. Лапиров)
в исполнении
народных
артистов
СССР
К. Шульженко
и Л. Утесова
с краткими
предисловиями
исполнителей.

1980 год... Опера «Бал-маскарад» Джузеппе Верди на московской сцене.

«Когда оперы не могут быть исполнены во всей их неприкосновенности—так, как они задуманы композитором,—лучше не исполнять их совсем...» Эти слова, принадлежащие Джузеппе Верди, стали своего рода законом для всего творческого коллектива Большого театра, принимавшего участие в постановке замечательного произведения великого итальянца...

Трепещут любящие и ненавидящие сердца, пылают страсти, рвется к небу пламя костра колдуны, чадят факелы заговорщиков, ослепительно сверкают люстры дворцового зала. Мир Верди... Верность, любовь, измена. Власть судьбы...

«Когда я один на один в схватке с моими нотами,—писал композитор,—сердце грепещет, слезы пьются

СТРАНИЦЫ
КЛАССИКИ

ОПЕРА- МОЯ ЖИЗНЬ

из глаз, и потрясения и восторги невообразимые».

Дирижер спектакля, народный артист РСФСР Альгис Жюрайтис писал о своей работе:

«Мне посчастливилось принять участие в постановке оперы «Бал-маскарад» — поэмы великой любви. Трудно описать состояние восторга и озаренности, охватывающее меня как дирижера, оказавшегося в «мире Верди» — в этом необъятном и подлинно человеческом мире, дающем людям радость и наслаждения. Ибо лишь истинное искусство делает нас юными, истыми, ставит нас ближе к природе, к правде жизни. Мы работали над оперой с энтузиазмом. И оркестр, и солисты, и хор сделали все для того, чтобы этот сложный и трудный для исполнителей спектакль пришел к зрителю и стал для него близким, желанным».

Центральный образ оперы — любящая и жестоко страдающая Амелия. Эту партию на сцене Большого театра исполняют народная артистка СССР Тамара Милашкина и заслуженная арти-

стка РСФСР, лауреат премии Ленинского комсомола Галина Калинина.

«Опера—моя жизнь. Не мыслю себя без оперы»—это творческое кредо Галины Калининой определяет всю ее актерскую биографию.

Стремление заниматься пением появилось у нее еще в школьные годы. Но для того, чтобы стать именно оперной актрисой, певицей, нужно было пройти сложный, полный трудностей и преодолений путь.

— Я один раз пробовалась в музыкальное училище имени Ипполитова-Иванова и не поступила в него,—рассказывала Галина Алексеевна.—После одиннадцатого класса пошла работать и через год поступила в музыкальное училище имени Гнесиных, в класс Марины Павловны Александровской, где проучилась 5 лет. А после училища, в 1972 году, была принята в музыкально-

педагогический институт имени Гнесиных, в класс Г. А. Масловой.

На сцену Большого театра я вышла в первый раз в маленькой партии и счастлива, что два года пела маленькие партии. Для начинающих певцов, как я считаю, гораздо полезнее не сразу дебютировать в больших партиях, а привыкнуть к сцене именно в маленьких. Это прекрасная школа: в короткий промежуток нужно показать и голос, и музыкальность, и сценическое действие. В большой партии есть время понравиться, в маленькой бывает всего несколько фраз, и по ним судят о твоих данных, нужен ты или не нужен театру.

Первым моим спектаклем был «Риголетто». Я пела в один вечер графиню Чепрано и пажа. Сначала спела женскую роль, а потом переоделась и в другом акте уже вышла в роли пажа.

Конечно, страшно волновалась. Ведь опера гениального Верди.

В 1973 году Калинина поехала на международный конкурс в Швейцарию и там пела каватину Леоноры из «Трубадура». Газеты писали тогда о том, что голос Калининой как бы создан для произведений Верди.

«Легче всего мне петь вердиевские спектакли,—говорит артистка.—Верди—это «мой» композитор. Я могу открыть клавиш любого его произведения и тут же начать петь, будто эта партия была мной заранее подготовлена.

Случилось так, что все мои героини—Леонора в «Трубадуре», Елизавета в «Дон Карлосе» и Амелия в «Бал-маскараде» одного и того же возраста, но партия Амелии, пожалуй, самая лирическая. Чисто вокально—это трудная партия, что уже интересно...»

М. ЖУРАВЛЕВА

На шестой
звуковой странице
фрагмент оперы
Верди
«Бал-маскарад»
с комментарием
Г. Калининой
в исполнении
заслуженных
артистов РСФСР
Г. Калининой,
А. Ворошиловой
и оркестра РАМТ
под управлением
народного
артиста РСФСР
А. Журавлева.

ВНОВЬ СМОТРЮ «ОНИ СРАЖАЛИСЬ ЗА РОДИНУ»

Рядовой Сталинградского фронта
Василий Шукшин...

Он держал оборону
на подступах к Сталинграду...
Слышу голос: — Товарищ поэт,

подожди, не спеши,
Тут не надо выдумывать,
лишних эмоций не надо.
Не Шукшин, а Лопехин.

Условность искусства.

Кино.

И погиб не от пули.

С каждым может такое случиться.
Ах, любители точностей,

вам ничего не надо,

Кроме факта.

Поэзия правды для вас —
небылица.

А она-то реальностей ваших

сильней и точней,

Рядом с ней доказательства ваши —
вранье, буквоедство.

Юрий
ОКУНЕВ

Поэт, переводчик, прозаик Юрий Окунев принадлежит к фронтовому поколению. В Литературном институте он учился вместе с С. Наровчатовым, М. Лукониным, Н. Майоровым, М. Кульчицким, П. Коганом, П. Воронько, Б. Слуцким, Д. Свмойловым. В первые дни войны вместе с товарищами вступил в ряды истребительного батальона. После Победы живет и работает в Волгограде.

Вот в чем высшая точность:

вся тяжесть далеких тех дней
Навалилась машиной на честное,

русское сердце
И последние кадры: Шукшин.

Он в шеренге бойцов.

Этот миг фронтового
единственной меркою мерьте:
Пропыленный насквозь.

с изможденным и грустным
лицом.

Ну какая тут съемка,
когда нет

и часа до смерти,

Вот тебе и кино!

Орудийный чуть слышится
гром.

Он лежит на траве.

И никто уже слезы не прячет.
И сомнения нет:

это именно в сорок втором
Пал в сражение солдат.

Только так.

Только так. Не иначе.

Это так для меня.

Не могло по-иному
случиться.

И мне видится вот что:

во времени несокрушим
На Мамаевом

рядом с Михаилом Кульчицким
Сибиряк,

но теперь сталинградец:
Василий Шукшин.

БАЛЛАДА О МОЕМ ОСКОЛКЕ

Председателю колхоза
имени Нариманова,
Герою Социалистического Труда
узбеку Искандару Досову,
равенному на украинской земле.

Сердце жаворонком падучим
В твердь груди напористо бьет,
Сердце мое, как в угаре,
В иступленном клокочет ритме.
Что ж так волнуется сердце,
Что так трепещет сердце мое, —
Точно беснуется компас,
Точно безумствует компас

рядом с магнитом?!

Иду я к Вам, Искандар,
Пожимаю признательно руку, —
Сердце мое — как узник,
Что жаждет взорвать каземат.
Отчего, Искандар, мы так верно,
С первых слов понимаем друга?...
Спасибі! Велике спасибі!
Рахмат! Катта рахмат!

Когда, Искандар, Вы лежали
На подбитом крыле маскхалата,
Его Вы держали под сердцем —

Иван
ДРАЧ

Иван Драч принадлежит к послевоенному поколению советских литераторов. Живет в Киеве. Автор 12 поэтических сборников. В 1977 году был удостоен звания лауреата премии имени Тараса Шевченко.

Тот крупновский вестник войны,
Что сердце мое заприметил,
Что метил в отчую хату
И в будущую балладу
Днепровской моей стороны.

Четвертый десяток Вы носите
Под сердцем своим мой осколок.
Холодный кусок металла,
Бессильны пред ним врачи...
Жизнь Ваша стала преградой
Этой фвистской иголке.
Щит жизни мой, Искандар,
На котором — восхода лучи!

Читаю в колхозе Вашем
Я списки двадцатилетних,
Тех, кто домой не вернулся
С крутых берегов Днепра,
Кто пал за меня под пулями,
Споткнувшись о луч последний, —
Из пуль и осколков лютых
Растет бытия гора.
Захлебнулись травой дзоты,
Обвитые пшеницей дзоты,
И только пылают осколки, —
Ведь путь их необратим...
А жить тебе, брат, дотоле,
Гореть в любви и работе,
Доколе осколок твой носит
В груди своей побратим.

Встречать весенние зори.
Дышать в цветенье кипучем.
Отстаивать честь и правду
Дружно, к плечу плечом.
А если в твоих побратимов
Недруг нацелит пушки, —
Взять под сердце осколок.
На пути его встать цитом.

Авторизованный перевод
с украинского Н. Котенко

Каждая встреча с Джо Дассеном чуть-чуть, яснее прорисовывает его человеческое и творческое лицо. География песен Дассена очень широка. Неслышимый лет кленовых листьев где-то у Квебека в «Бабьем лете» перемежается с провапсальским хохотом в песенке «Надо родиться в Монако». А ковбойский посвист из монолога «Привет» слышен сквозь упругий марш «Елисейских полей». Четче всего, однако, в его поэмах прослеживается меланхолический, ностальгический тон с широтой и долготой, как говорит сам Дассен, человеческого сердца...

— Почему именно этот тон?

Дассен. Мы живем в бурном, непрерывно меняющемся мире. Двигутся люди, движутся даже (говорят!) континенты, движется музыка. Нам нужны паузы хотя бы для минутного размышления, веки для ориентировки. Такими веками для нас служат мгновения психологического возвращения в собственное детство, к которому—я уверен—мы привязаны. Ностальгический мотив, стих, ритм могут перенести нас туда. Песня вообще должна быть «средством транспорта»...

— Значит, песня-антракт, песня-воспоминание?

Дассен. По преимуществу. И—непрерывно—доступная. С этим, кстати, никак не хотели согласиться те, кто знал меня в начале пути. Я долго работал преподавателем, и от меня наивно ждали песни наукообразной, сложной, где нашлось бы место для большого голоса, выдающейся музыки, сильного текста. Ничего этого у меня не было. Мне просто хотелось подарить слушателям слова и мелодию, которые он с удовольстви-

ем бы напевал. Мне казалось, что это не так уж и мало...

— Когда вы поняли, что цель впервые достигнута?

Дассен. Когда я услышал, как заправщик у бензоколонки напевает мою песенку «Банда Бонно». Ведь те несколько нот, которые плясали в моей голове, теперь продолжали танец в голове другого человека.

— С чего вы начинаете работу над песней?

Дассен. Вот с этих нескольких нот. Их нужно довести до студии, до записи. И, повторяю, надо добиться ощущения, что ноты эти легко запоминаются. Порой их нелегко сочинить. Первые такты песни «И если бы тебя не было» появились сразу, а продолжение коллективно «искалось» три месяца. Все это работа. Концерт—удовольствие. Когда я выхожу к рампе, мне кажется, что публика собралась в гостиную у меня дома.

— Кроме мелодии, есть еще текст...

Дассен. Да, конечно. Скажем, авторы текста Деланоз или Лемель написали песню о несчастной любви. Поскольку я пою ее от первого лица, понежале утешаешься тем, что в сущности ведь это Деланоз или Лемеля постигла любовная неудача, а не меня...

— Деланоз сочинил текст песни «Елисейские поля», ее помещает «Кругозор».

Дассен. Идея была как раз моя. Поскольку в Париже осталось мало улиц, о которых не сложены поэмы, и среди них долго фигурировала наша главная магистраль, я предложил этот пробел ликвидировать.

— Первая запись на нашей звуковой странице типична для вас, последняя, пожалуй, не слишком...

Дассен. Вы правы. Песенка «Надо родиться в Монако» довольно ядовитая. О том, как некоторые наши хитрецы (не из бедняцкого сословия) обходят закон, чтобы не платить налогов. Текст и музыку я сочинил сам.

Интервью вел Артем ГАЛЬПЕРИН

**ВСТРЕЧА
С
ДЖО ДАССЕНОМ**

Приехав в Москву и оказавшись гостем «Кругозора», Карел Готт, не ожидая вопросов корреспондента, улыбнулся, заявив:

— Больше всего я люблю работать, отдыхать, смеяться. И одно совершенно невозможно без другого.

— Карел, вы как-то сказали, что любите «жизнь на полную скорость». Как это понять?

К. Готт. У меня есть одна песня, которая начинается словами «Я беззаботно иду по городу...». Так вот, это как раз не про меня. Я очень люблю заботы, их постоянно много. И пусть у меня сегодня концерт, а я еще не успел пережить все удачи и неудачи вчерашнего дня, и думаю о них, начиная новое утро, как каждое утро, с вокальных упражнений, мечтаю уже о том, что скоро начну сниматься в новой кинокартине и... да мало ли о чем еще я мечтаю и, поверьте, очень хочу и все делаю для того, чтобы мечты стали реальностью.

— Какие же ваши мечты стали реальностью?

К. Готт. О, очень многие. Двадцать лет назад я работал на одном пражском заводе контролером по испытанию электромоторов. Вставал в пять утра, а вечером пел в кафе «Влтава» часов до 2 ночи. Похоже, что и пел и работал я тогда неважно. И вот в один из дней я поехал после работы в консерваторию. Меня согласился послушать профессор Н. Каренин — ученик Ф. И. Шаляпина. Как он потом объяснял коллегам, ему понравились и широкие возможности и моя творческая «жадность».

— Мы знаем, что у вас за плечами пять лет консерватории, но скажите, Карел, вы не разочаровали профессора тем, что ушли на эстраду?

К. Готт. Был один вечер, когда я серьезно испугался. Я учился в консерватории, но... оперные арии днем, а ночью джаз в кафе. И вдруг входит и садится за столик мой профессор. Я с трудом закончил песню. Потом подошел к нему и спросил: «Могу ли я остаться в консерватории или мне немедленно уйти?» «Почему? Разве у исполнителя популярных песен нет права на классическое образование?» Мне необыкновенно повезло с преподавателем. Позже он мне сказал: «У тебя прекрасный тенор, но оперная сцена не для твоего темперамента. Ты засохнешь на ней». Он уже понимал, как важна для меня аудитория, постоянный контакт с залом.

— Но, судя по вашему репертуару, вы не против классики...

К. Готт. Я очень люблю романтические песни, исполненные в классической манере, русские романсы. Один из самых близких мне художников — Чайковский. Но мне нравятся и ритмические современные вещи и народные песни. На Западе меня считают представителем «славянской школы». Не знаю, возможно, но главное, чтобы каждый день вносил что-то новое в мою жизнь, а значит, и в мой репертуар.

Интервью взял Георгий ЯКОВЛЕВ

Фото Л. Лазарева

На десятой звуковой странице Карел Готт исполняет две песни: «До, ре, ми, ля...» (Л. Штайдл, М. Простёвский) и «Разрешите нам петь» (К. Готт, Р. Рокл, Зд. Боровец).

АНСАМБЛЬ «ЛИНГВА»

Эта фотография была сделана в студии звукозаписи института иностранных языков имени Мориса Тореза, где учились трое из нынешнего состава «Лингвы»: Б. Здорова, аспирантка института, главный вокальный аранжировщик квартета; А. Колтев — слушатель Курсов переводчиков ООН, виртуозно владеющий гитарой, главный человек в аккомпанементе; Ю. Здоровов — руководитель «Лингвы», лингвист, заведующий сектором в научно-исследовательском институте. На двенадцатиструнной гитаре играет С. Сенчило — студент-дипломник автодорожного института.

...Пять лет назад в «Круго-торе» выступал руководи-тель ансамбля «Лингва» Юрий Здоровов. Коллектив тогда только что вернулся из Берлина, где представлял Советский Союз на Между-народном фестивале полити-ческой песни.

— Как разеивалась ваша жизнь с тех пор?

— Мы много ездили по стра-не, выступали с концертами на Украине, в Белоруссии, в Прибалтике, в подмосковных научных центрах — Дубне и Пущино. Были делегатами XI Всемирного фестиваля моло-дежи и студентов в Гаване, стали лауреатами нескольких международных конкурсов, а в 1976 году лауреатами пре-мии Московского комсомола.

— Как правило, за рубежом вы участвуете в фести-валях политиче-ской песни?

— Это не случайно. Политический отте-нок нашей деятельности прежде всего объясняется жизнью, опытом, той искрен-ней гражданской позицией, которая есть в каждом из нас. Создавая репертуар, мы от-талкивались в основном от фольклора разных стран, но песни, которые мы пели, были гражданского содержания.

— Какие выступления за границей за эти пять лет вы считаете самыми ответствен-ными?

— В год 35-летия Победы хотелось бы вспомнить трех-недельное выступление в ФРГ, куда нас пригласило «Объединение лиц, преследо-вавшихся при нацизме». Пер-вой песней, с которой мы вы-шли на сцену, была «Даешь Амур, даешь Байкал». Нам важно было дать представле-ние о сегодняшнем дне совет-ской молодежи, о ее интере-

сах, участии в общественной жизни страны. Затем мы пели «Там, вдали за рекой».

...Во Франкфурте-на-Майне товарищи, которые нас при-гласили, предложили нам оста-новить на улице десять моло-дых людей, спросить их, что они знают о войне, поскольку именно в этом городе находит-ся памятник жертвам фашиз-ма, где перечислены все лаге-ря смерти. Из опрошенных на-ми — больше половины не зна-ли об Освенциме, Майдане-ке... Не знали, что творили гитлеровцы в Европе и в на-шей стране.

...Потом мы пели песню Вик-тора Хары «Решай, с кем ты» и песню «Грандола», которая послужила сигналом к началу португальской революции.

Мы подготовили и две немец-кие песни. Зал восторженно принял первые же куплеты «Песни единого фронта» Брехта и Эйслера. Мы пели куплеты на немецком, фран-цузском, английском и русском языках, нам подпева-ли на немецком... А потом мы запели «Болотные солдаты»... Это была, конечно, кульмина-ционная точка.

Какой-то пожилой человек вскочил со своего места. Он плакал, бил себя в грудь и кричал: «Я болотный солдат».

На первое выступление в Штутгарте нам отвели пятна-дцать минут. А затем просили каждую такую встречу закан-чивать часовым концертом.

Интервью вела
Т. ВИНУКОВА

На девятой звуковой странице в исполнении ансамбля песни: «Решай, с кем ты» (В. Хара), русская народная «Как за лесом» и английская «Звените, бубенчики».

СЛУШАЙТЕ В НОМЕРЕ:

1. **Ради жизни на земле.** Воспоминания Маршала Советского Союза **В. И. Чуйкова.**
2. **Помнит мир спасенный.** Звуковой плакат, посвященный 35-летию Победы.
3. **Всем смертям назло.** Рассказ о полном кавалере ордена Славы медсестре **М. Ноздрачевой.**
4. **Народный поэт Башкирии Мустай Карим:** стихи разных лет.
5. **Музыка Г. Канчели:** фрагмент Пятой симфонии (дирижер Д. Кахидзе).
6. **Певица Г. Калинина:** фрагмент оперы Д. Верди «Бал-маскарад».
- 7—8. **В коллекцию редких записей:** о песнях военных лет рассказывают **В. Соловьев-Седой, А. Фатьянов.** Исполнители: **Г. Виноградов, Е. Флакс, В. Бунчиков, В. Нечаев, К. Шульженко и Л. Утесов.**
9. **Ансамбль «Лингва».**
10. **Карел Готт (ЧССР):** «До, ре, ми, ля...» и «Разрешите нам петь».
11. **Джо Дассен (Франция):** «Если бы тебя не было» (Паллавичини — Кутуньо — Лозито), «Елисейские поля» (Деланоз — Уилш — Деган), «Надо родиться в Монако» (Дассен).
12. **Ирина Понаровская (СССР):** песни **А. Мажукова** «Музыка любви» (стихи **А. Поперечного**) и «Однажды» (стихи **И. Резника**).

© ИЗДАТЕЛЬ:
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
КОМИТЕТ СССР
ПО ТЕЛЕВИДЕНИЮ
И РАДИОВЕЩАНИЮ
1980 г.

На первой
странице обложки
рисунок художника
В. Скрылева.

Звуковые страницы
изготовлены Всесоюзной
студией грамзаписи
фирмы «Мелодия»
и Государственным
Домом радиовещания
и звукозаписи.

Сдано в набор
24.03.80.
Подп. к печ.
31.03.80.
Б 05605.
Формат 60 × 84 1/2
Глубокая печать.
Усл. п. л. 1,24.
Уч.-изд. л. 2,03.
Тираж 500 000 экз.
Зак. 2185.
Цена 1 р. 20 к.

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской
Революции типография
газеты «Правда»
имени **В. И. Ленина.**
125865, Москва, А-137,
ГСП, ул. «Правды», 24.

Адрес редакции:
113326, Москва,
Пятницкая, 25.
«Кругозор»

Георгий ТОВСТОНОГОВ,
*лауреат Ленинской и Государственной премий,
народный артист СССР*

Я не могу судить о симфоническом творчестве Георгия Канчели. Не имею на то права. Но, слушая его симфоническую музыку, получаю большое наслаждение. Слушаю, не анализируя, но понимая, что передо мной прекрасный современный композитор. Вот о чем я могу говорить компетентно—это об удивительном у Гии Канчели чувстве театра. В этом меня убедил опыт совместной работы над спектаклем «Ханума» А. Цагарели в нашем театре. Композитор удивительно точно и естественно подхватывал режиссерскую мысль. Но не только выполнял режиссерский замысел, а как бы развивал его, предлагая что-то свое, то есть был инициативен в построении сферы спектакля. Когда день премьеры был уже близок, мне понадобилось музыкальное решение ухода Ханумы и Акола. К утру музыка была готова. Этим Канчели доказал, что он умеет и любит участвовать в создании спектакля. Ибо бессонная ночь в канун премьеры—это и есть театр.

До нашей «Ханумы» существовала ее тбилисская версия, где автором музыки тоже был Канчели. Но, взявшись вторично за одну и ту же тему, он ни в чем не повторился. Принципиально новым в ленинградской постановке стала пантомима, решенная как воспоминание о старом восточном городе, которого уже нет, музыкальные картинки Авлабара (район Тбилиси), написанные восточными напевами... Другая значительная работа Канчели в театре—«Кавказский меловой круг» Б. Брехта. И здесь роль музыки велика. Применение музыки в драматическом театре опасно. Если ее можно убрать, значит, она не нужна и ничего к спектаклю не добавляет. Музыку Канчели в «Кавказском меловом круге» убрать нельзя. Без нее нет спектакля, настолько она гармонично слита с целым. И в то же время, подчиненная замыслу спектакля, она может существовать самостоятельно, доставляя радость слушателю.

В этом и заключается суть театрального дара композитора.

Г. ОРДЖОНИКИДЗЕ,

заслуженный деятель искусств Грузинской ССР

Симфоническое творчество Канчели мне представляет восхождением на одну гору. Но с каждой ее высоты горизонт отбрасывается дальше, открывая невиданные ранее дали и позволяя заглянуть в глубины человеческого бытия. Особенности художественной позиции композитора заключаются, с одной стороны, в новизне психологического тонуа его музыки, свежести взгляда на человека, а с другой—в отражении того уровня культуры, который образуют устойчивые ценности национального искусства. Эти два фактора не только взаимодополняют и обогащают друг друга, но и составляют неразрывное единство—фундамент собственно музыкального стиля.

Главный редактор **В. С. КРЮЧКОВ**

Редакционная коллегия:

В. В. ГАСПАРЯН (зам. главного редактора),
И. Д. КАЗАКОВА, Т. П. КОТЕЛКОВА, Л. Э. КРЕНКЕЛЬ,
А. Г. ЛУЦКИЙ (главный художник), **И. Ф. МИРОНЕНКО**
Технический редактор **Л. Е. Петрова**

5

ВОСХОЖДЕНИЕ

На пятой звуковой
странице — фрагмент
Пятой симфонии
Г. Канчели.

В последнее время мы часто говорим о романтизме в советской музыке, понимая под этим усиление субъективной окраски звуковых образов, их яркую эмоциональность и т. п. Что касается романтических черт музыки Канчели, то они прежде всего — изображение пафоса жизнеутверждения, возвышающей мечты, способности драматически ощущать красоту. Наверное, не случайно и то, что симфонии Канчели подобны одностактным поэмам. Не случайно и то, что романтический симфонизм — симфонизм исконно программный, хотя музыка Канчели никакой сюжетной программностью не обладает и тяготеет к обобщенной образности. Наша современность в симфониях Канчели дает о себе знать в самом психологическом тоне, напряженности его,

глубинной опоре на принципы современного интонирования.

Канчели создал свой стиль и, как это ни громко звучит свой тип симфонизма. Он разрабатывает его упорно и последовательно, не оставляя находку лишь тому сочинению, где она была обретена, искусно используя найденное в последующем опусе. Все это — доказательство не только целеустремленности, но и «отсутствия случайности» в творческих поисках композитора. При всем том, что каждая его симфония — законченная концепция и вполне может рассчитывать на долгую концертную жизнь, в совокупности они выстраиваются в ту цепочку, где в первом же звене предвосхищаются дальнейшие, а в последнем продолжает звучать струна, задетая в первом.

ИРИНА ПОНОМАРЕВСКАЯ

ЭСТРАДА

12

В детстве (это была середина 60-х годов) Ирина Понаровская увлекалась такими певцами, как М. Бернес, М. Кристалинская, В. Трошин, М. Пахоменко, утверждавшими новый исполнительский стиль — теплый, лирически-доверительный. Особенно нравилась Понаровской ленинградка Л. Клемент. И еще импровизации Э. Фицджеральд и исполнительская манера французских шансонье. Пела дома, для себя, но мыслей о работе на профессиональной эстраде не возникало. В 1970 году 17-летняя Понаровская поступает на фортепианный факультет Ленинградской консерватории.

Но вот произошла ее встреча с популярной в те годы эстрадной группой «Поющие гитары». Ей предложили исполнение двух песен. И... словно в холодную воду окунулась: все сразу же оказалось новым и непривычным — лиричность и интимность в духе Клемент никак не вязались с острой манерой исполнения подчеркнуто акцентированной подачей стиха.

В 1974 году ансамбль первым в нашей стране обращается к форме «песенной оперы» — начинаются репетиции спектакля «Орфей и Эвридика». А Журбина Понаровской была поручена сложная вокально и сценически партия Эвридики. Как же все это было трудно и интересно!

В 1975 году Понаровская становится лауреатом фестиваля эстрадной песни «Дрезден-75». А год спустя завоевала «Гран-при» и приз фотожурналистов «Мисс объектив» в Солоте.

Затем, в период сотрудничества с джаз-оркестром Олега Лундстрема, наступила пора песен в ритме танцев начала века: чарльстонов, танго, фокстротов.

В последнее время многие удаchi Ирины Понаровской связаны с песнями Алексея Мажукова, такими, как «Музыка любви», «Одижды», красивыми, мелодичными, воплощающими чистоту и гармоничность жизни. Пожалуй, сейчас в творчестве певицы преобладает именно такое настроение.

А. ПЕТРОВ

Цена 1 р. 20 к. Индекс 70461